

ХРОНИКА И ОБЗОР
НАУЧНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ И СОБЫТИЙ

«1700 ГОДОВЩИНА
НИКЕЙСКОГО СОБОРА»
(1700TH ANNIVERSARY
OF THE COUNCIL
OF NICAEA):
ХРОНИКА КОНФЕРЕНЦИИ,
ПРОВЕДЁННОЙ
АССИРИЙСКОЙ ЦЕРКОВЬЮ
ВОСТОКА

УДК УДК 82-92 (2-23) (82-5)
DOI: 10.31802/BCA.2025.28.4.009

Введение

Текущий 2025 г. для исповедников и исследователей христианства ознаменован важнейшей датой — 1700-й годовщиной Первого Вселенского Собора в Никее (325 г.), на котором был зафиксирован перечень основополагающих догматов — Никейский Символ веры. Определения Символа неизменно являются одной из отправных точек в анализе христианской догматики, полемики и апологетики: строгое закрепление на вероучительном уровне единосущия Сына Отцу и Его неизменяемости предопределило дальнейшее развитие христианства и его разделение на конфессии, каждая из которых в уже уходящем году постаралась торжественно отметить юбилей. Восточно- и ориентально-православные Церкви, католики, англикане, протестанты — все¹ приурочили

1 Прежде чем дать ссылки на официальные сайты наиболее масштабных и значимых иностранных и международных мероприятий, приуроченных к 1700-й годовщине Первого

к XVII столетию Первого Вселенского Собора симпозиумы, празднования или конференции: хронику одной из них, организованной Ассирийской Церковью Востока, мы, имев удовольствие посетить мероприятие лично², и предлагаем читателю.

Конференция «1700th Anniversary of the Council of Nicaea» прошла 27–29 сентября в столице Иракского Курдистана Эрбиле — городе, куда в 2022 г. была перенесён Патриархат Ассирийской Церкви Востока. Главной площадкой события стал Католический университет Эрбиля, располагающийся в Анкаве — районе компактного проживания ассирийцев всех деноминаций. Особо следует отметить высочайший уровень организации: детальная разработка символики и атрибутики, тщательная подготовка инфраструктуры, организация сопутствующей книжной ярмарки с широким выбором изданий на арабском, классическом сирийском, английском и современном ассирийском языках, обеспечение синхронного перевода докладов на арабский язык, культурная программа для докладчиков и приглашённых — во всём, не говоря об основной содержательной части, чувствовалась исключительная забота членов организационного комитета, возглавляемого католикосом-патриархом Ассирийской Церкви Востока Мар Авои III: епископа Багдадского Мар Элии Исхака, патриаршего секретаря священника Мартина Набиля Николы, исследователей Николаса Аль-Джилу³

Вселенского Собора, особо отметим конференцию, проведённую Центром изучения патристики и христианской древности, с которым аффилирован наш журнал. URL: <https://mpda.ru/en/news/centr-izuchenija-patristiki-i-hristianskoj-drevnosti-kafedry-bogoslovijamda-provedet-ii-mezhdunarodnuju-konferenciju-posvjashhennuju-1700-letiju-nikejskogobora-325/>.

Также см. симпозиумы и конференции:

— симпозиум в Институте богословия св. Ириней. URL: <https://irenaeus.nl/en/symposium-1700-years-of-nicaea/>.

— конференция англиканского Общества церковного права. URL: <https://ecclawsoc.org.uk/events/2025conf/>.

— череда мероприятий Всемирного совета церквей. URL: <https://www.oikoumene.org/events/nicaea-2025>.

— конференция баптистов. URL: <https://www.niceaconference.com/>.

— конференция Римской Католической Церкви. URL: <https://angelicum.it/event/nicaea-april-2025/>.

— конференция Международной православной богословской ассоциации. URL: <https://iota-web.org/2025-nicaea-conference-general-information/>.

2 Автор этой хроники благодарит католикоса-патриарха Ассирийской Церкви Востока Мар Аву III за приглашение на конференцию в качестве гостя.

3 Автор четвёртого доклада первого дня.

и Далии Хай Азиз⁴, а также инженера программного обеспечения Джамала Абдулрахмана Шамси.

С программой конференции, видеозаписями и пространными аннотациями на английском и арабском языках можно ознакомиться на официальном сайте (URL: <https://acoconf.com/>). Следует учитывать, что фактическая очерёдность докладов, которой следует наша хроника, отличается от представленной на портале; также для удобства читателя мы не воспроизводим деление на сессии (три в каждый из дней) и предлагаем сквозную нумерацию докладов в рамках дня.

Первый день

Конференция была торжественно открыта речами католикоса-патриарха Ассирийской Церкви Востока Мар Авы III, премьер-министра Иракского Курдистана Масрура Барзани, кардинала Луиса Рафаэля Сако, главы министерства по делам религии и вакуфов Иракского Курдистана Пештивана Садика. Также прозвучали послание от Престола Святого Петра, зачитанное Иакинфом Дестивелем⁵, и приветственная речь от лица оргкомитета. Далее, после краткого перерыва, последовали доклады.

1. Профессор **Гага Шургая** (Неапольский университет, Италия): **«Официальная христианизация Римской империи»⁶**

В докладе рассматривались ключевые события, традиционно связываемые с провозглашением христианства государственной религией Римской империи: Миланский эдикт Константина (313 г.), Первый Вселенский Собор в Никее (325 г.) и Фессалоникийский эдикт Феодосия I (380 г.). На основе исторических и литературных источников автор доказывает, что именно Никейский Собор окончательно превратил языческую империю в христианскую. Особое внимание уделено распространению христианства за пределами Римской державы в первые века. В то время как христианизация империи происходила постепенно, с временными возвратами к язычеству, обращение других народов описывалось источниками как чудесное и мгновенное. Это, по мнению профессора, свидетельствует о различии в мотивации: если римская элита принимала христианство постепенно, исходя из личных и политических соображений, то

4 Автор шестого доклада третьего дня.

5 Автор восьмого доклада третьего дня.

6 *Shurgaja G. The Official Christianisation of the Roman Empire.*

прочие царства делали это из прагматического стремления приобщиться к культурному и политическому могуществу Рима. Ни одно государство не стало христианским прежде самой Римской империи.

2. Профессор **Винченцо Руджери**, SJ (журнал *Civiltà Cattolica*, Италия): «**От права (лат. *jus*) к закону: притча о власти**»⁷

Созыв Никейского Собора Константином положил начало новому типу права — церковному, оформленному через императорские законодательные установления, вошедшие позднее в кодексы Феодосия и Юстиниана. В трудах Евсевия, Созомена и других византийских историков прослеживается постепенное соединение императорской юрисдикции и догматической системы веры. Таким образом возникла тесная связь между Церковью и государственной властью: Символ веры, провозглашённый в Никее и подтверждённый в Константинополе (381 г.), стал юридическим символом подлинной принадлежности к христианству.

Однако богословие Символа всё больше приобретало рационально-философский характер, оттесняя евангельский образ Христа. Папа Франциск, по замечанию автора, отказался от красного — императорского — облачения в пользу белого, как бы символически дистанцируясь от связи царского престола и алтаря. Ещё св. Иларию Пиктавийский предупреждал об опасности такого союза, видя в нём отход от «Церкви мучеников». Завершает этот процесс окончательное слияние имперского *jus principale* и *divina lex* в законодательстве Маркиана и Юстиниана.

3. Доктор **Глен Томпсон** (Милуоки, США): «**Κοινωνία и Никейский Собор**»⁸

Христова заповедь: «идите и научите все народы»⁹ — требовала общности — *κοινωνία*, которая в первые века христианства поддерживалась главным образом перепиской и личными совещаниями церковных сановников. С 324 г., когда Константин объединил империю, стали возможны общецерковные Соборы, и именно Никейский Собор 325 г. явился первым подлинно вселенским актом церковного общения.

Доклад прослеживает, как на Соборе реализовалась *κοινωνία*: участие епископов из разных стран, соборные дебаты и осуждения, исповедание общей веры, покаяние и восстановление отпавших, совместное

7 Ruggieri V. From Jus to Law: The Parable of Power.

8 Thompson G. L. Fellowship and the Council of Nicaea. Вместо личного участия автор предоставил видеозапись доклада.

9 Мф. 28, 19.

богослужение, календарное единство и каноническое упорядочение. Эти формы братского общения стали моделью для последующих эпох. Автор также анализирует, как разложение этих принципов отразилось на современном церковном единстве.

4. Доктор **Николас Ашур Никола Аль-Джилу** (независимый исследователь, Ирак): **«Ассирия — дело Моих рук¹⁰: ассирийские отцы Церкви на Никейском Соборе»¹¹**

Доклад посвящён участию сироязычных делегатов в Первом Вселенском Соборе. Автор восстанавливает данные о присутствии епископов из Северной Месопотамии — исторической Ассирии, делившейся тогда между Византией и державой Сасанидов. Используя греческие, латинские, коптские, сирийские и армянские списки участников, исследователь определяет их епархии и этническую принадлежность.

Особое внимание уделено единственному делегату из Персии, чья личность и происхождение уточняются на основании сирийских хроник и житийных источников. Делается вывод, что ассирийцы не были изолированными наблюдателями, а активно участвовали в формировании никейского богословия, занимая достойное место в раннехристианской истории.

5. Хорепископ **Никадемус Юханнан** (Ассирийская Церковь Востока, Армения): **«Быть никейцем без Никеи: триадология Афраата»¹²**

Доклад посвящён Афраату Персидскому Мудрецу (ок. 280–345), который создавал свои знаменитые «Тахвиты»¹³ (сир. *tahwītā* — «демонстрация», «пример») в Персидской империи, то есть вне греко-римского влияния. Его сочинения отражают становление восточно-сирийской богословской мысли IV в. Автор доклада доказывает, что хотя Афраат в своём наследии не концентрировался на разработке триадологии, всё же он полностью принимал её в духе Вселенской Церкви.

Ассирийская Церковь Востока развивалась независимо от византийской ойкумены: каноны Никейского Собора были официально приняты лишь на Соборе 410 г. В трудах Афраата отсутствует полемика с арианами, однако, как показывает Н. Юханнан, его учение,

10 Ис. 19, 25.

11 *Al-Jeloo N.A.N. «Assyria, the Work of My Hands»: Assyrian Church Fathers at the Nicene Council.*

12 *Yukhanan N., chorbp. Being Nicean Without Nicaea: Aphrahat's Trinitarian Theology.*

13 См.: *Aphraatis Sapientis Persae Demonstrationes I–XXII* / ed. J. Parisot. Parisii: Firmin-Didot et Socii, 1894. (PS; vol. 1/1); *Aphraatis Sapientis Persae Demonstratio XXIII* / ed. J. Parisot. Parisii: Firmin-Didot et Socii, 1907. (PS; vol. 1/2). Col. 1–489.

реконструируемое по его полемике с иудеями, созвучно Никее. Автор доклада полагает, что даже без прямого участия в Соборе Афрат развивал в своём письменном наследии ортодоксальную, никейскую триадологию.

6. Профессор **Эмидио Вергани** (Папский Восточный институт, Италия): **«Рецепция Никей в сирийской традиции: Церковь Нисибина и Ефрем»**¹⁴

Доклад рассматривает институциональные и вероисповедные особенности сиро-месопотамской Церкви IV в. — после Никейского Собора (325 г.) и до Синода Мар Исаака (410 г.), когда каноны Никей были официально приняты на Востоке. Особое внимание уделено фигуре епископа, церковной дисциплине и отношениям Церкви с Империей.

Автор показывает, как никейские решения отразились в текстах св. Ефрема Сирина — одного из наиболее оригинальных богословов Нисибинской школы. В его гимнах и комментариях выражается ранняя рецепция никейского Символа веры: акцент на единстве Церкви, борьба с арианством и постепенное формирование восточно-сирийской христологии, подготовившей почву для синода 410 г.

7. Доктор **Джордж Антон Кираз** (Принстонский университет, США): **«Символ как песнь, Собор как литургия: Иаков Серугский о Никейском Соборе»**¹⁵

Доклад посвящён поэтической интерпретации Никейского Собора у Иакова Серугского. Этот выдающийся сирийский поэт поздней Античности превращает событие Собора в литургическую драму, где богословие выражено через образ и ритм.

Иаков сочетает повествование с толкованием, насыщая текст библейскими аллюзиями, типологическими параллелями и диалогами. Таким образом, Никея предстаёт как откровение и продолжение апостольской истины. Поэтическая форма у него служит не только эстетическим, но и догматическим средством: она делает вероучение зримым и запоминающимся.

Исследование показывает, как Иаков адаптировал греческое богословие для сироязычной аудитории, создавая синтез экзегезы, догматики и поэтики — важный пример взаимодействия богословия и художественного слова в сирийской культуре.

14 Vergani E. The Reception of Nicaea in Syriac: The Church of Nisibis and Ephrem.

15 Kiraz G.A. The Creed as Song, the Council as Liturgy: Jacob of Serugh on the Council of Nicaea.

8. Профессор **Маттиас Зимперль** (Университет Аугсбурга, Германия): «**Никейское досье в западносирийских канонических сборниках**»¹⁶

Автор исследует рецепцию Никейского Собора в позднеантичных и раннесредневековых западносирийских собраниях церковного права, прежде всего в компиляции, восходящей к Иакову Эдесскому (VII в.). Эта коллекция опирается на греческий «Corpus Canonum» Антиохийской Церкви, но содержит уникальные документы, отсутствующие в других версиях.

Среди них — письмо Константина о переносе Собора из Анкиры в Никею, расширенное антиеретическое дополнение к Никейскому Символу, декрет о дате Пасхи и послание Никейского Собора Александрийской Церкви. Эти тексты освещают процесс формирования никейской традиции в сирийской среде и её каноническую адаптацию.

Исследование прослеживает происхождение сборника до протографа, созданного в Тур-Абдине (VIII в.), и показывает, как эти материалы повлияли на хронику Михаила Сирийца (1126–1199) и на формирование западносирийского права.

9. Профессор **Натале Лода** (Папский Латеранский университет, Италия): «**Диакониссы: от Никеи (325 г.) до конца IV в.**»¹⁷

На момент Никейского Собора христианские общины представляли собой сложную систему служений. Среди них уже существовал женский диаконат, упоминаемый ещё в «Didascalia Apostolorum». Диакониссы помогали при крещении женщин, занимались их катехизацией, заботились о больных и беременных, а также выполняли организационные функции в общине.

Девятнадцатый канон Никейского Собора, предписывающий прекращение павлиан, устанавливал, что диакониссы этой секты, возведённые в сан руковождением (χειροθεσία), при возвращении в Церковь сохраняли своё место в клире, а не прошедшие руковождение считались мирянками.

К IV в. женский диаконат постепенно теряет влияние, уступая место мужскому служению, однако сохраняется память о его существовании как о важной части раннехристианской эkkлесиологии.

16 *Simperl M.* The Nicene Dossier in Western Syriac Canonical Collections. Вместо личного участия автор предоставил видеозапись доклада.

17 *Loda N.* The Deaconesses: From Nicaea (325) to the End of the Fourth Century.

10. Профессор **Себастьян Пол Брок** (Оксфордский университет, Великобритания): «**Исповедание Синода 410 г. и поиск терминов для описания воплощения**»¹⁸

Никейский и Никейско-Константинопольский Символы веры были приняты Церковью Востока на Соборе 410 г., акты которого сохранились в «Восточном Синодике»¹⁹. Перевод на сирийский двух ключевых глаголов Символа — *ἔσαρκώθη* («воплотился») и *ἐνανθρωπήσαντα* («во-человечился») — вызвал трудности и эволюционировал от ранних вариантов к неологизмам конца V в. *ḥetbassar* и *ḥetbarnaš*, точно отражающим греческие смыслы.

Доклад анализирует, какие термины использовали ранние сирийские авторы для выражения тайны воплощения и как перевод Символа обновлялся в рукописях. Особое внимание уделено тому, как эти неологизмы вошли в употребление в синодальных актах VI–VII вв., завершаясь у Бабая Великого. Тем самым исследование показывает, как в лексике Церкви Востока закреплялась богословская точность никейской христологии.

Второй день

Второй день конференции был открыт речами халдейского архиепископа Эрбиля Башара Варды и председателя ОВЦС Московского патриархата митрополита Волоколамского Антония. Далее последовали доклады.

1. **Максим Глебович Калинин** (НИУ Высшая школа экономики, Россия) и **Александр Михайлович Преображенский** (независимый исследователь, Россия): «**Термин *ḥūtūtā* («[Божественная] сущность») в восточно-сирийской мистической традиции**»²⁰

Символ веры Первого Вселенского Собора в Никее (325 г.) был принят Церковью Востока в 410 г. в Селевкии-Ктесифоне на синоде патриарха Исаака. Синодальное определение включало термин *ḥūtūtā* («сущность»), использовавшийся восточными сирийцами как эквивалент

18 Brock S. P. The Creed of the Synod of 410 and the Quest for Terms to Describe the Event of the Incarnation. Вместо личного участия автор предоставил видеозапись доклада.

19 См.: *Synodicon orientale, ou, Recueil de synodes nestoriens / pub., trad. at annot. par J.-B. Chabot. Paris: Imprimerie Nationale, 1902. P. 106.*

20 *Kalinin M. G., Preobrazhensky A. M. The Term ḥūtūtā 'The (Divine) Essence' in the East Syriac Mystical Tradition.*

греческого οὐσία (греч.: ἐκ τῆς οὐσίας τοῦ πατρὸς; сир.: *men ḥūtūteh d-ʿAbā*). Однако, в отличие от византийской традиции, где οὐσία и φύσις стали равнозначными в догматических спорах, в восточносирийском богословии этого не произошло. *Ḥūtūā* оставалась термином, относящимся исключительно к Богу, тогда как грецизм *ḥusiya* мог обозначать и сотворённые сущности. Тем самым термин *ḥūtūā* подчёркивал вечное существование Бога и часто употреблялся как Его имя; кроме того, вероятно, он обозначал не столько Божественную «сущность», сколько Божественное «присутствие».

В мистической традиции VII–IX вв. этот термин занял центральное место в практике *hergā* — непрерывном памятовании о Боге и восхождении ума к простой мысли о Его вечных бытии и любви. Докладчики анализируют употребление термина *ḥūtūā* в восточносирийской мистике и контекстуализируют его использование в ранних источниках, в особенности в наследии Афраата, Ефрема Сирина, в актах Соборов Церкви Востока V–VI вв. и в трудах Нарсая, оказавших исключительное влияние на формирование духовной практики *hergā*²¹.

2. Профессор **Терезия Хайнталер** (Высшая школа философии и богословия св. Георгия, Германия): «**Никея в христологии Церкви Востока**»²²

Никейский Собор постоянно упоминается в трудах восточно-сирийских авторов: Нарсая, Мар Авы, Ишоюва I и II, Бабая Великого и Тимофея I. Их вероучительные тексты опираются на Никейский и Константинопольский Соборы, как на основу истинной веры. Нарсай использовал осуждение Ария как аргумент против теопасхитских взглядов: если Бог пострадал, то Он уже не божественен. Для Мар Авы решения Никеи и Константинополя — норма веры, что особенно видно в исповедании, утверждённом на Соборе Ишоюва I: оно противопоставляется арианству и утверждает единосущие Сына Отцу. Исповедание Собора 605 г. также ссылается на эти два Собора, а Бабай Великий возводит все христологические заблуждения к арианам, осуждённым в Никее, которая служит для богословов Церкви Востока основным критерием ортодоксии и мерлом догматической преемственности.

21 Реконструкцию начальной степени это монашеской практики см. в: *Ivanova P. A., Kalinin M. G., Preobrazhensky A. M. The Chapters on Knowledge of Rabban Aphnīmāran: The Syriac and Arabic Manuscript Traditions. Part III: A Critical Edition of Syriac and Arabic Texts, Translation, and Notes // Bible and Christian Antiquity (Supplement). 2024. № 4 (24). P. 52–74.*

22 *Hainthaler T. Nicaea in the Christology of the Church of the East.*

3. Профессор **Дитмар Вернер Винклер** (Зальцбургский университет, Австрия): **«Рецепция Символа веры и канонов Никеи в Церкви Востока: исторический процесс и экуменическое значение»**²³

Синод патриарха Церкви Востока Исаака, состоявшийся через 85 лет после Никеи, принял вероучение, каноны и календарные нормы Первого Вселенского Собора. Целью была не только централизация Восточносирийской Церкви, но и утверждение единства веры с Церковью Запада. Символ веры 410 г. дошёл в двух редакциях — в западносирийской и восточной. А. де Аллэ показал²⁴, что подлинный текст был местным персидским символом, адаптированным к Никейскому вероучению: персидские отцы выразили ту же веру в иной терминологии. Каноны и календарные постановления также были приспособлены к нуждам Персидской Церкви, но сохраняли вероучительное единство с Церковью Римской империи. Докладчик показывает, что различие формулировок при сохранении единства содержания имеет сегодня важнейшее значение в экуменическом диалоге.

4. Доктор **Ефрем Абуд Исхак** (Австрийская академия наук, Вена): **«Сирийская Никея 325 г. в новом критическом издании»**²⁵

Доклад представляет готовящееся критическое издание сирийских документов Первого Вселенского Собора. Необходимость нового издания вызвана ограниченностью работы Ф. Шультесса (1908 г.)²⁶, использовавшего лишь западные рукописи. Новое исследование охватывает сирийские кодексы из библиотек Ближнего Востока и Европы, отражающие сложную историю передачи Никейских канонов в разных общинах. Особое внимание уделяется рукописям Alqosh 169, Mardin 309–310, Paris syr. 62 и коллекциям Британской библиотеки, а также утраченным кодексам — Seert 65 и Basebrin, уничтоженным во время геноцида 1915 г. Готовящееся издание реконструирует развитие различных редакций, их взаимосвязи и текстуальные адаптации. Учитываются труды Х. Кауфхольда и данные о возможной роли Иакова Эдесского († 708)

23 Winkler D. W. The Reception of the Creed and the Canons of Nicaea in the Church of the East Historical Process and Ecumenical Relevance.

24 См.: Halleux A., de. Le symbole des évêques perses au synode de Séleucie-Stésiphon (410). Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1978. (GOS; Bd. 17). P. 170.

25 Ishac E. A. The Syriac Nicaea 325 in a New Critical Edition.

26 См.: Schulthess F. Die Syrischen Kanones der Synoden von Nicaea bis Chalcedon nebst einigen zugehörigen Dokumenten. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1908. (Abhandlungen der Königlichen Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Philologisch-historische Klasse, NF; Bd. 10/2).

в формировании сирийской версии канонов. Цель проекта — предоставить научное основание для исследования рецепции Никейских актов в сирийской традиции.

5. Профессор **Роберт Китчен** (независимый исследователь, Канада): **«Сирийское восприятие Никейского Собора»**²⁷

Рассматривается восприятие Никейского Собора в Церкви Востока и развитие его учения на последующих синодах: Исаака (410 г.), Ябалахи I (420 г.), Дадишо (424 г.), Акакия (486 г.), Авы I (544 г.), Ишо-ява I (585 г.), Григора (605 г.), а также в синодах 612, 676, 782 и 1318 г. Особое внимание уделяется трём ключевым понятийным областям:

1) природе (сир. *kuānā*) Бога — Отца без начала, Чьё творение охватывает видимый и невидимый космос;

2) термину *Īhīdāyā* (букв. «уединённый, единственный»), который обозначает как Единородного Сына Божия, так и монаха, ведущего уединённое жителство;

3) группе христологических терминов для обозначения нисхождения, уничтожения, навлечения плоти, становления человеком и рождения. Автор показывает, что Никея явилась отправной точкой для восточно-сирийской догматики, а её интерпретация формировала богословскую и монашескую идентичность Церкви Востока в контексте персидского мира.

6. **Си Юн Пий Джонг** (Кембриджский университет, Великобритания): **«Оживляющее восприятие Никеи в Послании 14 Максима Исповедника»**²⁸

В докладе анализируется «Догматическое послание» (Ер. 14) Максима Исповедника²⁹ в контексте концепции М. Смита о «возрождающем восприятии» Никеи не как единовременного события, а как непрерывного процесса переосмысления. Письмо Максима к иллюстрию Петру о диаконе Косме, перешедшем из миафизитства, содержит исповедание (ὁμολογίαν), в котором осуждаются лишь «смешение Аполлинария» и «разделение Нестория», но полемика против Евтихия и Севира, характерная для прп. Максима, отсутствует. В докладе доказывается, что причина этого упущения связана с утверждением Максима о том, что он был рад принять исповедание Космы, «зная его простоту по Христу» (τὴν ἀπλῆν αὐτοῦ κατὰ Χριστὸν διάθεσιν γνούς). Так,

27 Kitchen R. The Syriac Sense of the Council of Nicaea.

28 Joung S. Y. P. The Rejuvenating Reception of Nicaea in Maximus the Confessor's Epistle 14.

29 См.: *Maximus Confessor. Epistula 14* // PG. T. 91. Col. 533B–544C.

автор доклада видит в этом намеренное упрощение: Максим подчёркивает «простоту расположения ко Христу» новообращённого, противопоставляя искреннюю веру сложным богословским спорам.

7. Профессор **Хуберт Кауфхольд** (Мюнхен, Германия): **«Рецепция канонов Никейи у восточных сирийцев»**³⁰

На Никейском Соборе были приняты не только догматические решения, но и двадцать правил церковной дисциплины, впоследствии вошедших в восточные и западные канонические сборники. Их усвоение Церковью Востока засвидетельствовано в «Восточном Синодике» и в сочинении спорной исторической достоверности епископа Маруты из Майферката³¹, который участвовал в синоде 410 г., на котором эти каноны были зачитаны. Однако неясно, шла ли речь о двадцати подлинных канонах или о семидесяти трёх псевдоникейских «Канонов 318 отцов», регулирующих различные стороны церковной жизни. Эти тексты распространились и в арабских мелькитских версиях (до 84-х канонов). Уже в VI в. греческие синодальные каноны были переведены на сирийский и вошли в синод Мар Авы (543/4 г.). Позднейшие арабские и сирийские компиляции объединяли оба корпуса — подлинный и псевдоникейский. В систематических правовых сочинениях (например, в двух канонических трудах Абдишо Нисибинского³²) подлинные греческие каноны играют меньшую роль, тогда как семьдесят три псевдоникейских использовались практически, определяя реальную дисциплинарную практику Церкви Востока.

8. Профессор **Филип Майкл Форнесс** (Католический университет Лёвена, Бельгия): **«Никейский Собор в историографии Церкви Востока»**³³

Восточно-сирийская традиция восприятия Никейского Собора обычно рассматривается через «Восточный Синодик» и Синод Исаака (410 г.). Докладчик расширяет перспективу, анализируя историографические

30 Kaufhold H. The Reception of the Canons of Nicaea by the East Syrians.

31 См.: The Canons Ascribed to Maruta of Maipherqat and Related Sources / ed. and trans. by A. Vööbus. Louvain: Peeters, 1982. (CSCO; vol. 439–440; Scriptorum Syri; t. 191–192).

32 См.: *Abdisho Nisibensis. Collectio canonum synodorum // Scriptorum veterum nova collectio e Vaticanis codicibus edita: in 10 t.* / ed. A. Mai. T. 10. Romae: Typis Collegii Urbani, 1838. P. 191–331. *Ebedjesus von Nisibis.*, „Ordo iudiciorum ecclesiasticorum“: Eine Zusammenstellung der kirchlichen Rechtsbestimmungen der ostsyrischen Kirche im 14. Jahrhundert / hrsg., übers. und eingel. von H. Kaufhold. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2019. (EBCO; Bd. 7).

33 Forness P.M. The Council of Nicaea in the Historiographic Writings of the Church of the East.

источники от «Церковной истории» Бархадбешабы Арбайи³⁴ (VI в.) до арабских хроник начала II тысячелетия. Анализируя главные релевантные историографические источники, профессор выявляет ключевые темы, связываемые с Никеей: определение истинной веры, происхождение соборной традиции и взаимоотношения Церкви Востока с другими христианскими общинами. Сопоставление этих свидетельств показывает, как Никея стала элементом исторической памяти и самоидентификации Церкви Востока, действовавшей вне границ Римской империи и формировавшей собственную эkkлесиологию в рамках вселенской традиции.

Третий день

После благодарственной речи профессора Гаги Шургая последовали доклады.

1. Профессор **Герман Тойле** (Университет имени святого Радбода, Нидерланды): «**Никея и Церковь Востока в эпоху сирийского Ренессанса**»³⁵

Хотя Церковь Востока признала решения Никейского Собора лишь на синоде 410 г. при католикосе Исааке. В её позднейшей историографической и богословской литературе многочисленны ссылки на Никейский Собор, особенно в каноническом контексте. Период так называемого Сирийского Ренессанса (XI–XIV вв.) отмечен активными контактами Церкви Востока с латинским христианством, кульминацией которых стало посольство, отправленное монгольским ильханом Аргуном в Рим, и визиты латинских миссионеров к католикосу Церкви Востока и другим иерархам.

В сирийских и арабских текстах того времени обращения к Никее служили попыткой утвердить общую догматическую основу Востока и Запада. Так, Илия Нисибинский, считающийся первым автором Сирийского Ренессанса, утверждал, что епископы Церкви Востока присутствовали на Никейском Соборе, а католикос Папа имел уважительные причины не участвовать лично. Священник и богослов Салиба ибн

34 См.: La première partie de l'Histoire de Barhadbešabba 'Arbaïa / texte syr. éd. et trad. par F. Nau. Paris: Firmin-Didot, 1932. (PO; t. 23/2); La seconde partie de l'Histoire de Barhadbešabba 'Arbaïa et controverse de Théodore de Mopsueste avec les Macédoniens / texte syr. éd. et trad. par F. Nau. Paris: Firmin-Didot, 1913. (PO; t. 9/5).

35 *Teule H. Nicaea and the Church of the East in the period of the Syriac Renaissance.*

Юханнан († после 1332), автор «Книги тайн»³⁶, цитирует многочисленные источники о Никее и, возможно, сам написал пространную главу о причинах созыва Собора. Анализ этой главы и её источников составляет центр доклада, в котором сопоставляются взгляды Салибы и Авдишо Нисибинского († 1318), последнего выдающегося автора рассматриваемой докладчиком эпохи.

2. Профессор **Рокио Дага-Портийо** (Мюнхенский университет имени Людвиг и Максимилиана, Германия): **«Отношения Церкви Востока с Коптской Церковью: Никейские каноны Маруты (IV в.) и сборник Макария (XIV в.)»**³⁷

В энциклопедическом сборнике коптского монаха Макария (XIV в.; Mss Mardin 311, Vat. ar. 149) отмечено, что восточные христиане «взяли из канонов то, что им было нужно», поскольку жили под властью Персии. Считалось, что они приняли не только двадцать официальных канонов Никее, но и обширный корпус — «Книгу царей» и иные тексты, приписываемые Собору. Мелькитское вступление к этим канонам сообщает, что отцы Никее установили законы для всех слоёв общества — от царей до монахов, — чтобы укрепить веру в христианском государстве. Христиане Персии, напротив, были вынуждены подчиняться законам страны и заимствовали лишь «то, что внушил им Дух», составив собственный свод вероучительных и практических установлений.

Эти восточные каноны связываются с именем Маруты Майферкатского и включают двадцать подлинных никейских правил. В докладе сопоставляются упоминания канонов Маруты у сирийских (Ибн ат-Тайиб, Авдишо Нисибинский) и коптских (Абу Сулх, Ибн Турайк, Михаил Дамиатский, Ибн аль-Ассаль) авторов, анализируются причины расхождений и контексты заимствований. Особое внимание уделяется «Книге царей» — сборнику гражданских законов, приписанных Никее, — и общим для коптской и восточносирийской традиций вопросам: организации монастырей, взаимодействию церковного и государственного права и взаимному влиянию обоих канонических наследий.

36 См.: *Ṣalībā ibn Yūḥannā al-Mawṣilī. I libri dei misteri (Kitāb asfār al-asrār) / introd., trad., note e indici di G. Gianazza. Roma: Aracne editrice, 2017. (PCAC; vol. 12).*

37 *Daga-Portillo R. Relations of the Church of the East with the Coptic Church: The Nicene Canons of Marutha (4th Century) and Other Canons Attributed to Nicaea from the Macarius Collection (14th Century).*

3. Профессор **Бишара Эбейд** (Университет Ка-Фоскари, Италия): **«Никея в сочинениях Илии Нисибинского: Собор, его участники и Символ веры»**³⁸

Для митрополита Илии Нисибинского (XI в.) Никейский Собор имел исключительное значение. В «Книге доказательства истинности веры»³⁹ он описывает причины созыва, участие восточносирийских епископов и принятые решения. В «Толковании на Символ веры»⁴⁰ Илия цитирует сирийский текст никейского Символа и приводит собственный арабский перевод, что важно для изучения двуязычной богословской традиции Церкви Востока. Комментарий носит апологетический характер, он адресован прежде всего яковитам и мелькитам, а косвенно и мусульманам, а также демонстрирует стремление Илии утвердить догматическую преемственность Никеи в сирийской традиции.

4. Доктор **Эрика Хантер** (Кембриджский университет, Великобритания): **«Никейский Символ веры в Турфане: фрагмент МІК ІІІ 59»**⁴¹

В начале XX в. немецкие экспедиции в Турфане (Синьцзян) обнаружили более тысячи фрагментов на сирийском и согдийском языках. Их анализ показал, что место находок — монастырь Церкви Востока. Среди литургических текстов, отражающих дифизитское богословие, найден и согдийский фрагмент Никейского Символа веры (МІК ІІІ 59). Доклад рассматривает обстоятельства создания и бытования фрагмента, подтверждающего, что никейская вера была известна и исповедуема в отдалённых епархиях Церкви Востока вплоть до Центральной и Восточной Азии.

5. Доктор **Марк Диккенс** (Университет Альберты, Канада): **«Древнеуйгурский перевод Никейского Символа веры из Турфана»**⁴²

Церковь Востока простиралась на огромную территорию от Персии до Китая, распространяя своё влияние вдоль Великого шёлкового пути. Её миссии среди ирано- и тюркоязычных народов потребовали

38 Ebeid B. Nicaea in the Writings of Elias of Nisibis: The Council, its Participants and its Creed.

39 См.: *Elias of Nisibis. The Book of the Demonstration of the Correctness of the Faith (Kitāb Al-burhān ‘alā ṣaḥīḥ al-īmān)* / ed., trans., introd. and comm. by B. Ebeid. Córdoba; Beyrouth: UCOPress-CNERU; Éditions de l’USJ-CEDRAC, 2023. (CNERU – CEDRAC: Series Syro-Arabica; vol. 11).

40 См.: *Elias of Nisibis. Commentary on the Creed (Tafsīr al-amānah al-kabīrah)* / ed., trans., introd. and comm. by B. Ebeid. Córdoba; Beyrouth: UCOPress-CNERU; Éditions de l’USJ-CEDRAC, 2018. (CNERU – CEDRAC: Series Syro-Arabica; vol. 9).

41 Hunter E. The Nicene Creed at Turfan: MİK III 59.

42 Dickens M. The Old Uyghur Nicene Creed from Turfan.

перевода Священного Писания и богослужебных текстов с сирийского на местные языки. В Турфане было найдено около тысячи ста фрагментов христианских рукописей на сирийском, согдийском, древнеуйгурском, ново- и среднеперсидском языках. Среди них — два перевода Никейского Символа: согдийский и древнеуйгурский. В докладе рассматривается именно древнеуйгурский вариант, его лингвистические и богословские особенности, а также то, что он сообщает о христианской общине Турфана и адаптации вероучительных формул к тюркскому языковому контексту.

6. Доктор **Далия Хай Азиз** (Центр востоковедения, Ирак): **«Символ веры в поэзии Гиваргиса Варды»**⁴³

В сборнике «Варда» (сир. *wardā* — «роза») содержатся два гимна о вере поэта Гиваргиса Варды (XIII в.), предназначенные для исполнения в четвёртое воскресенье поста. Сравнение их текста с Никейским Символом и вероучительными формами из «Восточного Синодика» показывает, что это поэтические переложения Символа веры, дополненные авторскими размышлениями. Первый гимн ближе к Никее, второй же расширяет темы Божественного воплощения и теопасхизма. Оба написаны семисложным метром с алфавитным акростихом и использовались как литургическое исповедание веры.

7. Профессор **Эдуард Фарруджа**, SJ (Папский Восточный институт, Италия): **«Никея I: разделение церковной истории и богословия»**⁴⁴

Докладчик задаётся рядом вопросом: разделил ли Первый Никейский Собор историю и богословие или, напротив, придал им новое единство? На Соборе было просто подтверждено положение дел, которое уже давно фактически существовало, как в случае с четырьмя ведущими Церквями, упомянутыми в нём: Римской, Александрийской, Антиохийской и Иерусалимской, которой досталось утешительное почётное место в 7-м каноне, или же это было новое начало в совершенно новом ключе? Автор доклада утверждает, что Никейский Собор сделал и то и другое: разделил историю и богословие на две части, но конечным результатом стало установление повестки дня для Церкви в целом. Закончилась ли эта «Константиновская повестка», или мы всё ещё живём в эпоху Константина — возможно, в пост-Константиновскую? Доклад показывает, что эта эпоха не полностью завершилась, хотя проблемы,

43 Azeez D. K. The Creed Confessed by Gīwargīs Wardā.

44 Farrugia E. G. Nicaea 1 Split Both Church History and Theology into Two.

поднятые Константином, продолжают разрастаться и меняться, и это касается смены как богословской, так и исторической парадигм.

8. Доктор **Винсент ван Воссел**, CSsR (Центр востоковедения, Ирак)⁴⁵: «**Никея и халдейская Qūrbānā**»⁴⁶

К 1681 г. значительная часть епархий Церкви Востока вокруг Диярбакыра образовала халдейскую ветвь, признанную Римом при условии принятия «латинского понимания Никеи», включая папское первенство и адаптацию литургии. При патриархе Йосифе VI Аудо (1848–1878) началось возвращение к восточным традициям, что вызвало напряжение между «латинской Никейской» идентичностью и восточносирийским наследием, особенно в реформе евхаристической литургии (сир. *qūrbānā*). Вопрос о соотношении верности Риму и преемственности Церкви Востока остаётся центральным в богословии халдейской общины.

9. Профессор **Иакинф Дестивель**, ОР (Папский университет Св. Фомы Аквинского — Angelicum, Италия): «**Никея в экуменических диалогах Католической Церкви**»⁴⁷

Доклад рассматривает обращение к Никейскому Собору в двусторонних богословских диалогах Католической Церкви с другими христианскими традициями — восточными и западными — после Второго Ватиканского Собора. Показано, что никейская вера и соборная экклесиология остаются краеугольным камнем христианского единства и ориентиром для экуменического богословия, служа общей точкой отсчёта в поиске догматического и литургического согласия.

* * *

По окончании всех сессий заключительную речь произнёс член оргкомитета Н. А. Н. Аль-Джилу, анонсировав следующую конференцию, запланированную на 2028 г.: событие будет посвящено 1400-й годовщине смерти Бабая Великого (ок. 550–628) — настоятеля обители на горе Изла, периодевта северных монастырей, местоблюстителя патриаршего престола (609–628), выдающегося богослова, стабилизировавшего и систематизировавшего догматику Церкви Востока в своём *opus magnum* — «Трактате о Божестве, о человечестве и о Лице

45 Доклад прочитан *in absentia* Самиром Савришо — главой Антонианского ордена св. Хормизда.

46 *Vossel V., van. Nicaea and the Chaldean Qūrbānā.*

47 *Destivelle H. Nicaea in the Ecumenical Dialogues of the Catholic Church.*

единения», более известном в исследовательской среде как «Книга единения» («*Liber de unione*»)⁴⁸.

В последний день, 30 сентября, была организована экскурсия, во время которой докладчики посетили эрбильскую Цитадель, монастырь Раббана Хормизда, монастырь Девы Марии в Алькоше и гробницу пророка Наума.

Александр Валериевич Тамразов

48 См.: *Babai Magni Liber de unione* / ed. et interpr. A. Vaschalde. Parisiis: E Typographeo Reipublicae, 1915. (CSCO; vol. 79–80. Scriptores Syri; t. II/61); *Babai the Great. The Book of Union: English Translation with Edited Syriac Text* / ed. by Mar Awa III Royel; trans. by M. J. Birnie. Leiden; Boston (Mass.): Brill, 2024. (TSEC; vol. 32).